

ISSN 2073-5723

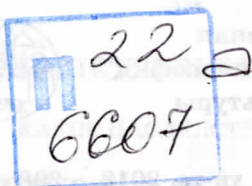
ВЕСЕ

журнал
русской философии
и культуры

24

санкт-петербург
2012

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ФИЛОСОФСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

ВЕСТЕ

ЖУРНАЛ
РУССКОЙ ФИЛОСОФИИ
И КУЛЬТУРЫ

24

Санкт-Петербург
2012

СОДЕРЖАНИЕ

ДНИ ПЕТЕРБУРГСКОЙ ФИЛОСОФИИ – 2012

КАКОЕ НАСЛЕДСТВО ОСТАВИЛ НАМ А. И. ГЕРЦЕН?

ОТ РЕДАКТОРА.....	7
<i>М. Наганова. ЖИЗНЬ И ДУМЫ А. И. ГЕРЦЕНА.....</i>	<i>9</i>
<i>В. С. Никоненко. ДИАЛЕКТИЧЕСКИЙ МЕТОД А. И. ГЕРЦЕНА....</i>	<i>24</i>
<i>А. Е. Рыбас. ПРОБЛЕМА ЖИЗНИ В ФИЛОСОФИИ</i> <i>А. И. ГЕРЦЕНА</i>	<i>40</i>
<i>Е. А. Счастливецова. МОТИВЫ ТВОРЧЕСТВА А. И. ГЕРЦЕНА</i> <i>В ИНТЕРПРЕТАЦИИ ГУСТАВА ШПЕТА.....</i>	<i>56</i>
<i>А. Л. Семенова. «ДИЛЕТАНТИЗМ В НАУКЕ» А. И. ГЕРЦЕНА:</i> <i>ОБРАЗНЫЕ СРЕДСТВА ФИЛОСОФСКОЙ ПУБЛИЦИСТИКИ.....</i>	<i>65</i>
<i>Н. А. Антокольская. СВОБОДА В ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВЕ</i> <i>А. И. ГЕРЦЕНА</i>	<i>71</i>
<i>С. Е. Любимов. А. И. ГЕРЦЕН КАК КРИТИК КАПИТАЛИЗМА</i>	<i>76</i>
<i>К. Муздыбаев. ИДЕЯ СОЦИАЛЬНОГО ПРИЗНАНИЯ</i> <i>В РАДИКАЛИЗМЕ А. И. ГЕРЦЕНА.....</i>	<i>84</i>
<i>Д. В. Джохадзе. А. И. ГЕРЦЕН И ПЕРЕДОВАЯ РЕВОЛЮЦИОННАЯ</i> <i>МЫСЛЬ РОССИИ</i>	<i>97</i>

НАУЧНЫЕ СТАТЬИ

<i>С. Н. Коробкова. КОНЦЕПЦИЯ РЕАЛИЗМА В ИСТОРИИ</i> <i>РУССКОЙ МЫСЛИ</i>	<i>105</i>
<i>Е. М. Путина. НЕОКАНТИАНСТВО В ЗЕРКАЛЕ РУССКОЙ</i> <i>ФИЛОСОФИИ СЕРЕБРЯНОГО ВЕКА.....</i>	<i>123</i>
<i>М. Е. Соболева. БОРЬБА ЗА ИСТИННЫЙ МАРКСИЗМ.</i> <i>БОГДАНОВСКАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ МОНИЗМА СПИНОЗЫ.....</i>	<i>137</i>

ФИЛОСОФСКИЕ ДИАЛОГИ

О. М. Ноговицын. ПРЕДЧУВСТВИЕ РЕЧИ, ИЛИ ОДНА НЕОКОНЧЕННАЯ ВОЛШЕБНАЯ ИСТОРИЯ	148
---	-----

КРАЕВЕДЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ

Т. М. Замалева. ЛИСТАЯ СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ... ЖЕНСКОЕ УЧИЛИЩЕ (ИНСТИТУТ) ПРИНЦЕССЫ ТЕРЕЗИИ ОЛЬДЕНБУРГСКОЙ	209
--	-----

В. В. Ворочай. ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ В ПРОЦЕССЕ ВОСПИТАНИЯ ДЕТЕЙ В РЕСПУБЛИКЕ КОМИ	224
--	-----

МАТЕРИАЛЫ К ЛЕКЦИЯМ

Е. А. Зброжек. ФИЛОСОФСКИЕ ИДЕИ В. А. ЖУКОВСКОГО	232
--	-----

А. В. Малинов. СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЕ ВОЗЗРЕНИЯ В. Н. ТАТИЩЕВА	241
--	-----

ПЕРВАЯ ПУБЛИКАЦИЯ

Д. А. Сидорова. «РУССКАЯ ИДЕЯ» В. В. РОЗАНОВА	250
---	-----

А. А. Фролов. СТИЛИСТИКА МЫШЛЕНИЯ В. В. РОЗАНОВА И ФОРМИРОВАНИЕ ТЕМЫ ИСТОРИОСОФИИ	255
--	-----

ПОЭТИЧЕСКАЯ ПОДБОРКА

Герман Сунягин. ФИЛОСОФСКАЯ ЖИЗНЬ В СТИХАХ	266
--	-----

ИЗ РЕДАКЦИОННОЙ ПОЧТЫ

М. В. Быстров. А. В. СУХОВО-КОБЫЛИН И П. А. ФЛОРЕНСКИЙ: МАЛОИЗВЕСТНЫЕ ОТКРОВЕНИЯ РУССКОЙ МЫСЛИ, ОПЕРЕДИВШИЕ ВРЕМЯ	270
---	-----

АННОТАЦИИ СТАТЕЙ	283
SUMMARIES	289
АВТОРЫ НОМЕРА	294
CONTENTS	296

внести некоторые коррективы в понимание предметности философского знания, то старается при этом как можно больше сохранить основы характерного для России способа его дескрипции. Если это действительно так, то тогда не будет иметь большого значения вопрос о том, кого же из русских мыслителей следует считать кантианцем, а кого – неокантианцем, так как на первый план выступают вопросы об особенностях интерпретации философии Канта в целом.

М. Е. Соболева

БОРЬБА ЗА ИСТИННЫЙ МАРКСИЗМ. БОГДАНОВСКАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ МОНИЗМА СПИНОЗЫ

Как известно, общественно-политическая ситуация в России в конце девятнадцатого – начале двадцатого века характеризовалась стремительным развитием капитализма и связанной с ним трансформацией общества, которую в целом можно определить как «европеизацию»¹. Становление гражданского общества сопровождалось многочисленными и острыми дебатами, касающимися различных сторон развития страны. Одним из центральных вопросов был вопрос о выработке новых оснований общественного мировоззрения. Этим объясняется всеобщий повышенный интерес к философии.

Духовная ситуация того времени предстает, по справедливому выражению В. Ф. Пустарнакова, как «невиданный дотоле плюрализм мысли»². В сфере мысли ясно обозначается основной водораздел между «интеллектуализмом и антиинтеллектуализмом, позитивизмом и идеализмом», борьба между которыми составляет, по ощущению современников, «основное содержание всемирной эволюции в области философии»³. Взаимоисключе-

¹ Как пишет П. С. Юшкевич, «русская жизнь европеизируется... Особенно наглядной и бесспорной является трансформация в сфере идеологических отношений». – *Юшкевич П. С.* Новые веяния. – СПб., 1910. С. 81.

² *Пустарнаков В. Ф.* Университетская философия в России. – СПб., 2003. С. 205.

³ *Берман Я.* Сущность прагматизма. Новые течения в науке о мышлении. – М., 1911. С. 3.

чающие полюса образуют, с одной стороны, «materialismus militans» Г. В. Плеханова и его последователей¹, с другой – различные формы «idealismus militans», согласно меткому определению В. А. Базарова². При этом внутри каждого лагеря обнаруживаются непримиримые разногласия, ярким примером чего являются дискуссии по поводу марксизма.

Русский марксизм, как хорошо известно, никогда не носил чисто академический характер. Интерес к нему был вызван развитием рабочего движения, и распространение марксистской теории обуславливалось в первую очередь тем, что в ней видели средство для воспитания рабочего класса, с которым многие связывали в то время будущее России. В качестве практицируемой идеологии марксизм должен был дать ответы на всевозможные теоретические и практические вопросы. Однако ни Маркс, ни Энгельс не оставили после себя учений в форме целостной системы, ограничившись философией истории и анализом современного им общества. Для того чтобы выступить в качестве фундамента мировоззрения, марксизм нужно было доработать и дополнить до системы. Это требовало искать совместимые с ним философские теории, которые могли бы восполнить лакуны и помогли бы создать марксистскую онтологию, гносеологию и этику. Такова была логика большинства русских марксистов, включая одного из крупнейших его теоретиков Плеханова. Последний писал: «Нынешний идеолог рабочего класса не имеет права быть равнодушным к философии. Особенно у нас на Руси»³.

Задача разработки системы марксизма обусловила интерес к истории философии. Именно таким образом в центр внимания русских марксистов попал и Спиноза. Роль Спинозы заключа-

¹ Термин заимствован у Плеханова. См.: *Плеханов Г.В. Materialismus militans*. Ответ г. Богданову // *Плеханов Г.В. Избр. филос. произв.* Т. 3. – М., 1957.

² Данный термин принадлежит В. А. Базарову, который пишет: «Современный “воинствующий” идеализм интересен практически именно как “воинствующий”, как *idealismus militans*, видящий свое призвание в том, чтобы восстановить живую конкретную связь между забытыми словами метафизиков и текущей общественно-политической злобой дня». – *Базаров В.А. Судьбы русского «идеализма» за последнее десятилетие (от «критического марксизма» к «Вехам»)* // *Базаров В.А. Из истории новейшей литературы.* – СПб.; М., 1910. С. 152.

³ *Плеханов Г.В. Критика наших критиков.* – СПб., 1906. С. V.

лась в том, чтобы с помощью его теории обосновать материализм как основной принцип философии марксизма. Решающий шаг в этом направлении был сделан Плехановым, представившим Спинозу родоначальником материализма путем отождествления спинозовской субстанции с материей. Согласно русскому философу, все французские материалисты XVIII в. считали себя спинозистами, их идеи были развиты впоследствии Фейербахом и, в конечном итоге, Марксом и Энгельсом, которые «в материалистический период своего развития никогда не покидали точки зрения Спинозы»¹. Благодаря авторитету Плеханова и политической власти его учеников мнение о материализме Спинозы навсегда утвердилось в советской философии. Так, еще Э. В. Ильенков в статье «К докладу о Спинозе» (1965) полностью разделял его².

Строгим критиком плехановского толкования учения Спинозы был А. А. Богданов. Такие работы, как «Эмпириомонизм» (1904–1906), «Падение великого фетишизма. Вера и наука» (1910), «Философия живого опыта. Популярные очерки» (1913) и «Пределы научности рассуждения» (1927), отражают различные этапы и аспекты его критики. Можно выделить два существенных момента этой критики: методологический и содержательный.

Аргумент *методологического характера* Богданов выдвинул в докладе «Пределы научности рассуждения». Этот аргумент заключался в том, что Плеханов не учитывает развивающегося характера понятий и практически подменяет одно понятие другим. Так, Богданов пишет: «Если нынешнее поколение открыло, что субстанция Спинозы была “материей”, то следующее поколение, может быть, откроет, что сама эта “материя” была псевдонимом Бога. В чем тут дело? В том, что слово изменило свое значение. Ясно, что слово “материя” в эпоху Спинозы имело совершенно другое значение, что содержание опыта, из которого исходил Спиноза, бесконечно отличалось от современного. Совершенно иное положение было при тех формах мысли, которые сейчас отжили. Просто нелепо пытаться его термины переводить

¹ Плеханов Г.В. Бернштейн и материализм // Плеханов Г.В. Избр. филос. произв. Т. II. – М., 1956. С. 360.

² См.: Ильенков Э.В. К докладу о Спинозе («История диалектики») // Ильенков Э.В. Драма советской философии (Книга – диалог). – М., 1997.

адекватно современным... Все термины Спинозы потеряли свое прежнее значение; вполне понять их может тот, кто может перенестись в ту эпоху, так изучить ее, как мы знаем нынешнюю, только тот может это сделать. По правде сказать, наши философы не очень таким изучением занимаются»¹.

Плехановское обращение с философскими терминами служит для Богданова примером «рассуждательства», для которого характерен «словесный фетишизм»². Словесный фетишизм представляет слово как имеющее смысл само по себе, «смысл постоянный, безусловный»³. Альтернативный подход к философским текстам, на котором настаивает Богданов, требует развитого герменевтического сознания, учитывающего историческое «саморазвитие понятий»⁴. Он призывает коллег-философов – и это в период, когда со свободой мнения в философии в СССР практически было покончено, чему ярким свидетельством было brutальное завершение полемики «диалектиков» против «механицистов», – относиться ко всяким рассуждениям «с априорным скептицизмом» и «бороться со словесным фетишизмом»⁵. «А ведь этого не делают, – сетует Богданов. – Вы видите чуть не сотню терминов в одной фразе, и ни один из них не определен, и даже нельзя их определить: места не хватит. Таким образом, нет никакой действительной борьбы с многозначностью и с постоянной подменой значений; нет и никакого понимания того, что слова имеют смысл не сами по себе, но что их смысл в социальной среде постоянно меняется. Этого сознания нет, его надо ввести. Но, что еще важнее, надо всякую цепь рассуждений проверять на опыте, через возможно меньшее число звеньев»⁶.

Выступая против словесного фетишизма, Богданов выступает против инструментализации философии, против ее догматизации и превращения в политическую доктрину. Философия, основанная на словесном фетишизме, т. е. на пустословии и голом рассуждательстве, это религиозное мышление, «твердое в сло-

¹ Богданов А.А. Пределы научности рассуждения // Вестник Коммунистической академии. 1927. Кн. 21. С. 260.

² Там же. С. 261.

³ Там же. С. 262.

⁴ Там же. С. 257.

⁵ Там же. С. 262.

⁶ Там же.

весном исповедании, но смутное в понятиях»¹. Об этом Богданов предупреждал уже в 1910 г. в памфлете «Падение великого фетишизма. Вера и наука». Анализируя направленную против него работу В. И. Ленина «Материализм и эмпириокритицизм» (1908), он выявил те черты русского марксизма, которые превращают его в квазирелигию: «создание *властных фетишей* и требование от людей покорности, *повиновения* им»², внутригрупповые отношения основаны на «*подчинении*, на устранении собственной мысли и критики, на отказе от исследования, на подавлении всяких возможных сомнений, на акте воли, направленном к познавательной пассивности»³, создатели учения воспринимаются как «пророки абсолютной истины»⁴, всякое инакомыслие рассматривается как «враждебная секта, как враждебная *религия*»⁵. Вывод Богданова гласит: «Книга, которую мы разбирали, всем своим тоном, всем своим построением учит *верить* в профессиональную ученость специалистов, как она учит *верить* в Маркса. Первая вера – вредна и смешна, вторая – вредна и позорна»⁶. Русский марксизм в плехановско-ленинском варианте он определяет в целом как «абсолютный марксизм»⁷, как основанную на единстве словесных формул и освященную авторитетом классиков марксизма веру в абсолютное, т. е. в неизменную, единственно верную марксистскую картину мира.

Ядро учения «русско-марксистской церкви» составляет, по мнению Богданова, «созерцательный материализм» Плеханова–Ленина–Аксельрод, для которого «человек с его сознанием выступает как пассивный продукт внешней материи», что предполагает веру в существование абсолютной истины, так как «если материя есть абсолютная и не подлежащая определению основа всякого опыта, то идея “материи” лежит вне всякой диалектики, представляет безусловную и вечную истину»⁸. Исток тако-

¹ Богданов А.А. Вера и наука (по поводу книги В. Ильина «Материализм и эмпириокритицизм») // Богданов А.А. Падение великого фетишизма: Современный кризис идеологии. – М., 2010. С. 163.

² Там же. С. 143.

³ Там же. С. 144.

⁴ Там же. С. 157.

⁵ Там же. С. 215.

⁶ Там же. С. 220.

⁷ Там же.

⁸ См.: Богданов А.А. Философия живого опыта. – СПб., 1913. С. 215 и далее;

го антидиалектического материализма Богданов видит в ложной интерпретации Плехановым Спинозовского учения о субстанции, а именно в сведении тезиса о единстве субстанции к тезису о психофизическом параллелизме духа и материи. Следствием этого являются, во-первых, признание того, что «*психика присуща материи вообще*»¹, или признание принципа «всеобщей одушевленности материи»², во-вторых, понимание психики в целом как феномена, производного от материи, в-третьих, трактовка «материи» как абсолютного понятия, которое само по себе не подлежит развитию, подобно «вещи в себе», данной в опыте посредством отражения и предопределяющей окончательное решение вопроса о сущности вещей. Психика при этом оказывается рецептивным феноменом по отношению к активной материи³. В пылу полемики Богданов заявляет: «Плехановский “спинозизм” принадлежит не Спинозе. А кому же? “Нео-спинозистам” XVIII века, в частности Дидро, у которого заимствовал эти взгляды Плеханов. Но Дидро *знал*, в чем расходится со Спинозой, а Плеханов, сам того не замечая, проговаривается в одном месте, что не знает: для него “не совсем ясно видно, в чем состоит, по мнению Дидро, превосходство нового спинозизма перед старым”. В довершение всего, свое незнание Спинозы Плеханов приписал Марксу и Энгельсу, ссылаясь на какой-то частный разговор с Энгельсом. Это – напраслина, которую надо отвергнуть»⁴.

Выдвигая *содержательный аргумент*, направленный против плехановского понимания философии Спинозы, Богданов указывает на то, что в «Этике» «по крайней мере большую часть “психических явлений”, именно “образы вещей”, т. е., значит, представления и восприятия, Спиноза относит к атрибуту *протяжения*, говоря, что они возникают из столкновения, из взаимодействия тел. Модусы мышления он признает только как *утверждение или отрицание* чего-либо... Тела и образы для Спино-

Богданов А.А. Десятилетие отлучения от марксизма. Кн. 3. – С. 33 и далее.

¹ Богданов А.А. Вера и наука. – С. 203.

² Богданов А.А. Десятилетие отлучения от марксизма. Кн. 3. – С. 132.

³ Богданов А.А. Десятилетие отлучения от марксизма. Кн. 3. – С. 134. Ср.: Богданов А.А. Философия живого опыта. – С. 212.

⁴ Там же. С. 133. – Цитируя Плеханова, Богданов ссылается на его книгу «Критика наших критиков».

зы – мир протяжения; т. е. сюда относится весь опыт, вся *эмпирия* в точном значении слова. Следовательно, параллелизм “атрибутов” мышления и протяжения есть *идео-эмпирический параллелизм*»¹.

Рассмотрим подробно, что сказано в этой цитате. Во-первых, относя представления к области «протяжения», Богданов выступает против психофизического параллелизма духа и материи у Спинозы.

Во-вторых, подчеркивая, что любая идея содержит в себе «утверждение или отрицание», Богданов указывает на то, что отношение к содержанию идеи всегда опосредовано действием субъекта. Говоря современным языком, он указывает на то, что интенциональность представления оказывается включенной в интенциональность действия. Следовательно, в отношении к содержанию представления проявляется отношение субъекта к миру и к самому себе. Из этого отношения вытекает определенное поведение, которое одновременно влияет как на мир, так и на самого субъекта. Например, не представление о яблоке само по себе (и даже не простое аффективное наличие или отсутствие аппетита, хотя об этом в данном тексте пока не говорится) вызывает определенные действия по отношению к нему, а определенное решение, т. е. отношение к яблоку опосредовано деятельностной стратегией субъекта. При этом, совершая то или иное действие по отношению к данному в представлении объекту, субъект одновременно самореализуется как индивидуальность с теми или иными чертами. Действие выступает, таким образом, как своего рода интерпретация объекта, который, в свою очередь, предоставляет возможность для различных действий субъекта по отношению к нему.

Третий существенный момент в данной цитате – это отождествление Богдановым «протяжения» с опытом. Понятие «опыт» имеет две стороны: оно включает в себя содержание и процесс. С учетом этого, представления о мире возникают как продукт опыта; между идеей внешнего объекта и самим объектом стоит опыт, как целесообразная деятельность. Тогда «мир протяжения» не отделен от мышления, как нечто независимое от него, а, напротив, есть результат взаимодействия мышления и внешнего мира.

¹ Богданов А.А. Вера и наука. – С. 204.

Богдановский термин «идео-эмпирический параллелизм» выявляет конструктивный характер представлений о мире, их зависимость от активности познающего субъекта. Более того, сам мир, в котором живет человек, не только мир внешних вещей, но и мир представлений, которые имеют не меньшую объективность для человека, чем внешний мир.

Позже, в рукописи «Десятилетие отлучения от марксизма» Богданов снова возвращается к данной теме и пишет: «Итак, “протяжение” охватывает не только материальный мир, но и все его живые, чувственные отражения, не только физический опыт, но и большую часть психического. “Мышление” же есть не “психическая” вообще, а *логическая* сторона мира»¹. Здесь он снова выступает против плехановского психофизического дуализма в интерпретации Спинозы и подчеркивает неоднородность «психического», часть явлений которого относится к феноменам «мышления», а часть – к феноменам «протяжения». Причем в последнем случае функция мышления заключается в конституировании логической структуры действительности. Тогда, с учетом богдановской корректуры, основной вопрос марксистской философии можно сформулировать не как проблему отношения мышления к бытию, что предложил Плеханов, а как проблему отношения мышления и представления, т. е. мышления и той картины мира, которую себе создает человек. Этот вопрос, решению которого посвящена философия эмпириомонизма, является основным для Богданова.

Вопрос о том, насколько богдановская интерпретация Спинозы является адекватной смыслу теории последнего, не так важен в контексте данной статьи. Важнее то, что в «идео-эмпирическом параллелизме», который Богданов приписывает Спинозе, можно видеть источник его собственного эмпириомонизма. Действительно, функциональная зависимость между миром идей и опытом, выражаемая формулой «идео-эмпирический параллелизм», составляет сущность эмпириомонизма, который сам Богданов характеризует как *«познавательный параллелизм между жизнью, как комплексом переживаний, и ее отражением в социально-организованном опыте»*². Слово «отражение» не дол-

¹ Богданов А.А. Десятилетие отлучения от марксизма. Кн. 3. – С. 133.

² Богданов А.А. Эмпириомонизм. Статьи по философии. – М., 2003. С. 80.

жно здесь пугать и вызывать ассоциации с плехановско-ленинской версией этого понятия. «Отражение» понимается Богдановым как усложняющийся, ступенчатый процесс «подстановки» одних «психических комплексов» под другие или, иными словами, как последовательное построение теории на базе первичных опытных предложений. В принципе идея «подстановки» предвосхищает идеи логического позитивизма Р. Карнапа, но, в отличие от него, она предполагает, что научное конструирование мира есть часть социального процесса. Богданов вводит категорию «социальной причинности», чтобы показать зависимость научных представлений от социально-трудовых методов и отношений.

Эмпириомонизм нацелен в целом на преодоление доставшегося в наследство от Канта дуализма познания, который не снимается плехановским «спинозизмом» с его «психофизическим параллелизмом». Решение этой задачи представлялось Богданову в выработке логически строгой и единой теории познания, лишенной не только дуализма, но и всякой двойственности. Он пишет: «Для Спинозы двойственность познаваемых атрибутов единой субстанции, мышления и протяжения, совсем не противоречила единству системы, но для нас, людей XX века, она уже несомненный дуализм. То же должно стать и со всякой принципиальной двойственностью способов познания»¹. Единство системы опыта – «эмпириомонизм» – предусматривает радикальное переосмысление отношения между «протяжением» и «мышлением», или «физическим» и «психическим», а значит, строгое разделение логики и онтологии. Согласно Богданову, физическое и психическое одинаково принадлежат к миру опыта и образуют материал познания. И то и другое есть не что иное, как индивидуально и социально-организованная связь элементов опыта. Другими словами, любое отношение к миру всегда обусловлено мышлением, имеющим интерсубъективный и интерактивный характер. Нет никаких «непосредственных» представлений, напрямую отражающих действительность, как это было, по мнению Богданова, у Спинозы; напротив, любое представление понятийно, а содержание понятия определяется социально-историческим контекстом деятельности.

¹ Там же. С. 13.

Подведем некоторые итоги и сформулируем рабочую гипотезу. Обращение к философии Спинозы оказало существенную роль на становление русского марксизма. Интерпретация учения последнего может служить индикатором для распознавания той или иной его версии. Так, «абсолютный марксизм» Плеханова и Ленина, по определению Богданова, правомерность которого доказывает история советской философии, уходит своими корнями в плехановскую интерпретацию учения Спинозы как субстанциального монизма. В отличие от него «критический марксизм», по определению Базарова, т. е. марксизм творческий, адогматический, связан с пониманием теории Спинозы как методологического монизма. Первый нацелен на создание определенной картины мира, второй представляет собой *монизм метода* и концентрируется на формах познания. Собственно картины мира он не дает, поскольку это противоречит его представлению о динамическом характере как действительности, так и познания.

Богданов рассматривает свой эмпириомонизм как марксистскую теорию. При этом он считает, что «традиция Маркса–Энгельса должна быть дорога нам не как буква, но как дух»¹. Это значит, что она должна служить регулятором и методом мышления, а не набором готовых истин. Марксизм в теории познания сохраняется им прежде всего как «идея социальности познания»². Заметим, что такое же понимание марксизма продемонстрировали позже представители Франкфуртской школы философии в дискуссии о методологии познания с критическим рационализмом (Т. Адорно против К. Поппера).

Понимание марксизма как метода не исключает того, что он должен оставаться материалистическим. Однако материализм в данном случае претерпевает изменения: его невозможно определить на основании плехановского принципа первичности материи по отношению к духу в силу «смутности» и «расплывчатости» терминов «дух» и «материя». Более того, «если под “природою” понимать неорганический мир и низшие ступени развития жизни, под “духом” – высшие ступени жизни, например, человеческое сознание, то для всякого, освободившегося от пеленок грубой мифологии, для всякого, знакомого с современным по-

¹ Богданов А.А. Приключения одной философской школы. – СПб., 1908. С. 66.

² Богданов А.А. Эмпириомонизм. – С. 241.

ложением естественных наук, “материализм” неизбежен»¹. Материализм богдановского эмпириомонизма выражается в признании опосредования познания коллективным социальным опытом, в утверждении связи трудовой причинности и научной теории, социально-трудовых методов и идеологии, понимаемой как мировоззрение.

Примеры различных подходов к интерпретации теории Спинозы со стороны Плеханова и Богданова показательны с точки зрения возможных отношений между марксизмом и прочей философией. Задачу Богданова можно охарактеризовать его же собственными словами следующим образом: «если марксизм представлял собой верную научную теорию, а органически связанной с ним философии не было, то надо было *марксистски обосновать философию*, марксистски выработать ее, разумеется, но никак не обосновывать марксизм на какой-то философии»². Он критикует как раз то, чему посвятили свою философскую деятельность Плеханов и Ленин, благодаря деятельности которых содержание марксистской философии было, в конечном итоге, редуцировано в СССР к «трем источникам, трем составным частям марксизма» (Ленин) как квинтэссенции «вопроса о развитии монистического взгляда на историю» (Плеханов).

¹ Там же. С. 221.

² Там же. С. 228.